ПРОРОЧЕСТВО — ДА, НО УЧЕНИЕ — НЕТ: ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПАВЛОМ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН БЕЗ УПРАВЛЯЮЩЕГО АВТОРИТЕТА

Уэйн Грудем*

В 1Кор.11:5 Павел, очевидно, предполагает, что женщины могут свободно молиться и пророчествовать на публичных собраниях церкви, поскольку он не запрещает эти действия, а просто регулирует их, оговаривая необходимость ношения головного убора. А в Деян.21:9 четыре незамужние дочери Филиппа пророчествуют.

Но в 1Кор.14:33-35 Павел предписывает женщинам хранить молчание в отношении некоторых высказываний в церкви. А в 1Тим.2:11-14 он запрещает женщинам учить мужчин или иметь власть над ними.

Согласуются ли эти отрывки друг с другом? Если “пророчество” и “обучение” - это разные слова, обозначающие одну и ту же деятельность, то эти отрывки могут показаться противоречивыми. И даже исходя из некоторых современных толкований английских слов “prophecy” и “teaching”, эти отрывки кажутся несовместимыми.

Но я попытаюсь продемонстрировать, что если мы выведем наши определения “пророчества” и “обучения” индуктивно из самого текста Нового Завета, то окажется, что эти две функции являются различными видами деятельности, отличающимися по типу власти, которой обладают те, кто их осуществляет[1]. Если использовать эти определения “пророчества” и “ обучения” в Новом Завете, то можно увидеть, что высказывания Павла о женщинах, выступающих в церкви, согласуются друг с другом и с указаниями на роль женщин в Церкви, которые содержатся в остальной части Нового Завета.

I. ПРИРОДА ПРОРОЧЕСТВА В ЦЕРКВЯХ НОВОГО ЗАВЕТА

1. *Дар пророчества в Новом Завете имел меньший авторитет, чем Священное Писание или апостольское учение.*

Большинство христиан с готовностью согласятся с тем, что ветхозаветные пророки говорили и писали с абсолютным божественным авторитетом. Их слова были самими словами Бога, и они могли быть записаны как слова Божьи в Священном Писании на все времена (Втор.18:18–20; Иер.1:9; Числ.22:38; Иез.2:7; и др.). Поэтому неверие или неповиновение словам пророка означало неверие или неповиновение Богу (Втор.18:19; 1 Цар.8:7; 3Цар.20:26; и др.).

В Новом Завете также есть люди, которые говорят и пишут сами слова Бога в Священном Писании, но мы с удивлением обнаруживаем, что Иисус больше не называет их «пророками», а использует новый термин: «апостолы». Апостолы являются новозаветным аналогом ветхозаветных пророков (Гал.1:8–9,11–12; 1Кор.2:13; 2Кор.13:3; 1Фес. 2:13; 4:8,15; 2Пет.3:2; и др.). Отличаясь от тех, кто в Новом Завете называл себя пророками, Павел говорит: «Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни» (1Кор.14:27).

Почему Иисус выбрал новый термин «апостол» («apostolos») для обозначения тех, кто имел право писать Писание? Вероятно, потому что слово «пророк» («prophētēs») в Новом Завете имело очень широкий спектр значений. В грекоязычном мире этот термин обычно не имел значения «тот, кто произносит слова Божьи», а лишь «тот, кто говорит в результате внешнего духовного влияния» (Тит.1:12 и, вероятно, Лук.22:64, также многие не библейские отрывки, используют этот термин в более широком смысле)[2].

Но применялся ли когда-либо в Новом Завете термин «пророк» к апостолам? Существует несколько случаев, когда это имеет место, всегда в контекстах, где делается акцент на внешнем духовном влиянии (со стороны Святого Духа), под воздействием которого говорили апостолы. Так, Павел писал об апостолах как о пророках в Еф.2:20; 3:5. Здесь он не говорил обо всех пророках в местных общинах того времени, ибо здесь пророки названы «основой» Церкви — не только отдельных церквей, но и Церкви в целом, — и они названы группой, которой была открыта «тайна» о том, что язычники должны быть включены в Церковь на равных правах (3:5–6). Это не относилось ко всем верующим, обладавшим даром пророчества в местных собраниях в Коринфе, Фессалонике, Риме, Тире, Эфесе и т. д. Таким образом, мы не можем утверждать, что все верующие, обратившиеся и начавшие пророчествовать в местных собраниях спустя десятилетия после основания Церкви, составляли «основу» вселенской Церкви, и мы не можем утверждать, что именно им Бог открыл факт включения язычников в Церковь. Но это относилось к апостолам в их основополагающей роли в Церкви, поскольку Бог открыл им тайну включения язычников.

*Уэйн Грудем — доцент кафедры Нового Завета в Евангелической богословской школе Тринити в Дирфилде, штат Иллинойс.

[1] Я более подробно изложил это в книге «The Gift of Prophecy in 1 Corinthians» (Washington: University Press of America, 1982).

[2] См. H. Krämer, “prophētēs,” *TDNT* 6 (1968) 793–795, где приводятся многочисленные примеры из греческой литературы. Это слово могло относиться к сторонникам определенной философии, «специалисту» по ботанике, членам высшей жреческой касты в Египте, глашатаям, объявлявшим победителя на играх, или (по иронии судьбы) «шарлатану» в медицине. Крамер заключает, что это слово «просто выражает формальную функцию объявления, провозглашения, доведения до сведения» (с. 795). Ср. Grudem, *Gift* 33–43.

В Еф.2:20;3:5 отождествление апостолов с пророками становится более ясным благодаря грамматически корректному переводу «апостолы, которые также являются пророками»[3]. Но в 4:11, в другом контексте (где он говорит о дарах, данных Церкви в целом), Павел использует другую конструкцию, чтобы отличить «апостолов» от «пророков» и показать, что в данном случае он имеет в виду две разные группы (фраза *tous de prophētas* в 4:11 повторяет определенный артикль перед словом «пророки»).

Другой пример, когда апостол рассматривается как пророк, — это апостол Иоанн в книге Откровения (ср. Отк.1:1–3 и др.). Термин «пророчество» уместен для этой книги из-за акцента на откровении, данном Богом. Откровение — это пример пророчества, данного через апостола и, следовательно, обладающего абсолютной божественной властью. Это часть Священного Писания.

Однако сами по себе термины «пророк» и «пророчество» не подразумевали божественного авторитета для речи или письма, и эти термины не часто использовались в отношении апостолов Нового Завета. На самом деле, за исключением этих нескольких отрывков, где апостолы называются «пророками» или говорится, что они «пророчествуют», мы обнаруживаем, что гораздо чаще слова «пророк», «пророчество» и «пророчествовать» использовались в отношении обычных христиан, рассеянных по ранним церквям, которые говорили не с абсолютным божественным авторитетом[4], а просто для того, чтобы сообщить о том, что Бог вложил им в сердца или довел до их умов. Таким образом, в Новом Завете есть много указаний на то, что этот обычный дар пророчества имел меньший авторитет, чем Библия, и даже меньший, чем признанное библейское учение в ранней Церкви.

В Деян.21:4 мы читаем об учениках Тира, которые по внушению «Духа, говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим». Это, по-видимому, относится к пророчеству, направленному на Павла, но Павел ослушался его. Он никогда бы этого не сделал, если бы в этом пророчестве были слова самого Бога.

В 21:9 мы читаем, что у Филиппа было «четыре дочери девицы, пророчествующие». Хотя они упоминаются лишь вскользь, интересно отметить, что нет никаких свидетельств того, что они говорили с абсолютной божественной властью, или что какие-либо слова Писания были написаны ими или другими пророками, которые были обычными верующими в местных церквях Нового Завета.

В 21:10–11 Агав пророчествует, что иудеи в Иерусалиме «свяжут (dēsousin) Павла и предают (paradōsousin) в руки язычников». Предсказание, которое почти верно, но не совсем: римляне связали Павла (ст.33, где Лука использует тот же глагол, deō), и иудеи, вместо того чтобы добровольно отдать его, попытались убить его, и его пришлось спасать силой (ст.32). Предсказание было не так уж далеко от истины, но это была неточность в деталях, которая поставила бы под сомнение достоверность любого ветхозаветного пророка.

Павел говорит Фессалоникийцам: “Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь” (1Фес.5:20-21). Если бы пророчество равнялось по авторитету слову Божьему, ему никогда не пришлось бы говорить фессалоникийцам, чтобы они не пренебрегали им. Они “восприняли” и “приняли” Божье слово “с радостью от Святого Духа” (1:6; 2:13; ср. 4:15). Более того, когда Павел говорит им “испытывать все”, это повеление должно включать в себя, по крайней мере, те пророчества, которые он упомянул в предыдущей фразе. Он подразумевает, что в пророчествах есть что-то хорошее и что-то нехорошее, когда призывает их “хорошего держаться”. Это то, чего никогда нельзя было бы сказать о словах Ветхого Завета или об авторитетных словах новозаветного апостола.

В 1 Кор.14 Павел говорит: «Пусть говорят двое или трое пророков, а остальные пусть взвешивают сказанное»* (ст. 29). Здесь он предлагает им внимательно слушать и отделять добро от зла, принимая одно и отвергая другое (ибо именно это подразумевает греческое слово *diakrinō*, которое здесь переводится как «взвешивать сказанное»)[5]. Если бы Павел имел в виду, что коринфяне должны судить, является ли каждый говорящий истинным или ложным пророком, он, вероятно, использовал бы не *diakrinō*, а *krinō*, термин, используемый в Новом Завете при описании суждений, где есть только две возможности, такие как «истинный» или «ложный», «виновен» или «невиновен» (ср. Мф.7:1; 19:28; Ин.7:51;18:31; Деян.16:15;25:10; Рим.2:1;14:3,4,10,13; 1Кор.4:5;5:3,12; 6:1–3;10:15;11:13; Кол.2:16; Евр.10:30;13:4; Иак.4:11 и т. д.).

[3] Хотя с грамматической точки зрения это и не обязательно, безусловно, правомерно и, в контексте, вероятно, предпочтительнее переводить Еф. 2:20; 3:5 не как «апостолы и пророки» (что предполагает две отдельные группы), а как «апостолы-пророки» или «апостолы, которые также являются пророками» (что указывает на одну группу); так же и в D. Hill, *New Testament Prophecy* (Atlanta: John Knox, 1979) 139. Конструкция *tōn apostolōn kai prophētōn* (2:20; обратите внимание на аналогичную конструкцию в 3:5) грамматически идентична фразе *tous de poimenas kai didaskalous* («и некоторые пасторы-учителя») в Еф.4:11. Все три примера имеют форму определённый артикль + существительное + *kai* + существительное, конструкция, которая может относиться либо к одному и тому же лицу (лицам) с двумя разными титулами, либо к двум лицам (или группам лиц), рассматриваемым как единая группа или единица (ср. A. T. Robertson, *Grammar of the Greek New Testament* [Nashville: Broadman, 1934] 785–788). Аналогичные примеры существительных во множественном числе, рассматриваемых как единое целое, включают Лук.15:9; Кол. 2:22; 1Фес.5:12; 1Тим.4:3. Поэтому, даже если кто-то не хочет переводить эту фразу как «апостолы, которые также являются пророками», должен иметь ввиду, что наличие только одного определённого артикля требует, чтобы «апостолы и пророки» здесь рассматривались как единая группа, группа. Гораздо более тесно связанная группа друг с другом, чем апостолы Нового Завета со всеми обычными пророками во всех местных церквях в средиземноморском мире первого века. Поэтому даже на этом основании крайне маловероятно, что в Еф.2:20;3:5 могли подразумеваться обычные церковные пророки в местных церквях.

4 В Hill, *Prophecy* (93, 114-116, 118, 135-136, 169, 179, 194), проводится аналогичное различие в полномочиях между апостолами как пророками и обычными христианскими пророками в поместных церквях.

* В Синодальном переводе: «и пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают» - прим. переводчика.

5 Хотя *diakrinō* имеет широкий спектр значений, оно часто имеет смысл “проводить различия, тщательно оценивать, сортировать, просеивать, отделять” между тесно связанными вещами или идеями. Его можно использовать, например, для просеивания пшеницы (Philo *Mut*. 249; *Jos*. 113), для различения чистых животных от нечистых (Josephus *Ant*. 3.259) или для отделения людей, виновных в правонарушениях, от остальной толпы (Josephus *J.W.* 4.118, 543). Оно используется для различения добра и зла (*T. Asher* 1:5; ср. родственное существительное diakrisis в Евр 5:14) и для отделения истинных слов от ложных (Philo, *Congr*. 18; ср. LXX Иов.12:11). В Новом Завете *diakrinō* может использоваться для различения верующих евреев и язычников (Деян.15:9; вероятно, также 11:12), или для обозначения различных атмосферных условий, на которые указывает вид неба (Мф.16:3), или для принятия трудных решений в спорах между христианами (1Кор.6:5). (Этот смысл *diakrinō* находит некоторое подтверждение также в том факте, что в среднем залоге оно приобретает особый смысл “сомневаться”, родственную идею, которая несет в себе усиленный оттенок взвешивания тесно конкурирующих идей в уме.)

Следовательно, 1Кор.14:29 является еще одним свидетельством отсутствия абсолютного божественного авторитета в Новом Завете. Мы не можем себе представить, чтобы такой пророк, как Исайя, сказал: “Слушайте, что я говорю, и взвешивайте сказанное — отделяйте хорошее от плохого, то, что вы принимаете, от того, что вам не следует принимать”. Если бы пророчество имело абсолютный божественный авторитет, поступать так было бы грехом. Но здесь Павел повелевает, чтобы это было сделано, предполагая, что пророчество в Новом Завете не обладало авторитетом самих слов Божьих.

В стихе 30 Павел позволяет одному пророку прерывать другого: “если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи”. Опять же, если бы пророки произносили именно те слова Бога, которые по своей ценности равны Священному Писанию, трудно представить, что Павел сказал бы, что их следует прерывать и не позволять им закончить свое послание. Но это то, что предписывает Павел.

Павел предполагает, что никто в Коринфе, церкви, где было много пророчеств, не мог произносить сами слова Божьи. В стихе 36 он говорит: «Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?» Таким образом, он подразумевает, что слово Божие исходило не от них, и поэтому они должны подчиняться его апостольским указаниям, а не думать, что некоторые из их пророков могут давать указания с таким же авторитетом: Слово Божие исходило от Павла и других апостолов, а не от каких-либо пророков в местных церквях, таких как Коринф.

В стихах 37–38 он снова заявляет о своем авторитете, превосходящем авторитет любого коринфского пророка: «Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. А кто не разумеет, пусть не разумеет». Ни один пророк в коринфской церкви не мог претендовать на авторитет, равный авторитету Павла, или ожидать, что сможет оспорить указания Павла даже в таких вопросах, как проведение местного богослужения. Предполагается, что авторитет новозаветных пророчеств был меньше, чем авторитет апостольской речи и Писания.

Поэтому пророчества, данные в местных новозаветных церквях, следует рассматривать лишь как человеческие слова, а не как слова Божьи, и не как равные по авторитету словам Божьим. Безусловно, ошибочно приравнивать новозаветных церковных пророков к божественно авторитетным пророкам Ветхого Завета.

В этом месте уместно сделать небольшое замечание относительно современного харизматического движения. Хотя большинство харизматиков согласятся с тем, что пророчества сегодня не равны авторитету Писания, следует отметить, что на практике большая путаница возникает из-за привычки предварять пророчества распространенной ветхозаветной фразой «Так говорит Господь» (фраза, не используемая ни одним пророком в церквях Нового Завета) [6]. Современное использование этой фразы неудачно, поскольку создает впечатление, что последующие слова — это слова Бога, тогда как Новый Завет не оправдывает эту позицию, и, если бы их попросили, большинство ответственных харизматических проповедников в любом случае не захотели бы утверждать, что эта фраза применима ко всем частям их пророчеств. Поэтому было бы гораздо полезнее и ничего бы не потеряно, если бы эта вступительная фраза была исключена.

2. *Спонтанное «откровение» отличает пророчество от учения.* Если пророчество не содержит самих слов Бога, то что же это такое? В каком смысле оно от Бога?

Павел указывает, что Бог может спонтанно напомнить что-либо, чтобы пророчествующий мог передать это своими словами. Павел называет это «откровением» (*apokalypsis*, *apokalyptō*): «Если же другому из сидящих будет откровение(*apokalyphthē*), то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение.» (1Кор.14:30–31). Здесь он использует слово «откровение» в более широком смысле, чем в техническом смысле, в котором оно используется в систематическом богословии (говоря о словах, равных по авторитету Писанию)[7]. Павел просто имеет в виду что-то, что Бог может напомнить или запечатлеть в сердце или мыслях человека таким образом, что это отличается от его собственных мыслей или приводит к ясному пониманию того, что это от Господа.

Таким образом, если войдет посторонний, и все начнут пророчествовать, «тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог» (14:25). Вновь подразумевается, что пророчество зависит от «откровения»: новоприбывший обнаруживает, что церковь говорит то, что он считал тайнами, скрытыми в его сердце. Такое «откровение», заключает он, должно было исходить от Бога.

Многие из нас сегодня сталкивались с подобными событиями или слышали о них. Например, могла поступить незапланированная, но срочная просьба помолиться за некоторых миссионеров в Японии. Затем, гораздо позже, те, кто молился, обнаружили, что именно в это время миссионеры попали в ужасную аварию или находились в состоянии сильного духовного конфликта и нуждались в этих молитвах. Павел назвал бы это ощущение или интуицию «откровением», а сообщение собравшейся церкви об этом побуждении от Бога — «пророчеством». В нем могут присутствовать элементы собственного понимания или толкования говорящего, и оно, безусловно, нуждается в оценке и проверке, тем не менее, оно выполняет ценную функцию в церкви.

[6] Агав действительно использует похожую фразу (“Так говорит Святой Дух”) в Деяниях 21:11, но не ясно, что этот единственный пример задуман как образец для всех христианских пророчеств, и в контекстах, где сегодня это могло бы ввести в заблуждение, это, конечно, не требуется.

[7] Новый Завет использует термины «открывать» и «откровение» в этом более широком смысле (сообщение от Бога, которое не приводит к написанию Писания или слов, равных по авторитету написанному Писанию) в Фил.3:15; Рим.1:18; Еф.1:17; Мат.11:27.

Насколько нам известно, все новозаветные «пророчества» основывались на подобном спонтанном побуждении Святого Духа. Пророчество Агава о голоде должно было основываться на таком откровении (Деяния 11:28), как и его предсказание о заключении Павла в Иерусалиме (21:10–11). Ученики в Тире, по-видимому, получили от Бога какое-то указание об опасностях, с которыми Павел столкнется в Иерусалиме (21:4)[8].

Более того, в повествованиях Нового Завета есть и другие ссылки на пророчества — не только на пророчества в церквях Нового Завета, но и на пророчества, упомянутые вскользь таким образом, что мы приходим к выводу, что общепринятым значением «пророчества» во времена Нового Завета было «речь, основанная на том, что познано через „откровение“ от Бога»: Лук.7:39 (фарисей предполагает, что «пророк» будет обладать особым знанием); 22:63–64 (солдаты предполагают, что тот, кто способен пророчествовать, будет знать, кто ударил его, даже с завязанными глазами); Ин.4:19 (женщина у колодца называет «пророком» человека, который знает о ее прошлой жизни — по-видимому, из какого-то „откровения“); 11:51 (Каиафа, когда он, сам того не зная, говорил о смерти Иисуса за народ, как говорится, «пророчествовал»).

Напротив, ни о каком пророчестве в новозаветных церквях никогда не говорится, что оно состоит из толкования и применения текстов Ветхого Завета. Хотя Э. Эрл Эллис и некоторые другие утверждали, что толкование Священных Писаний с помощью мидрашей было задачей пророков церкви Нового Завета, его аргументы не были убедительными для многих, в первую очередь потому, что в Новом Завете трудно найти убедительные примеры, когда группа слов "пророк" используется для обозначения кого-либо, занимающегося такого рода деятельностью[9].

Пророчества в поместных церквях Нового Завета во времена Нового Завета имели меньший авторитет, чем слова Священного Писания, ветхозаветных пророков и новозаветных апостолов. Но пророчества, тем не менее, основывались на том, что Бог напомнил или “открыл”, о чем затем сообщалось собственными словами пророка. Пророчества не сводились к толкованию и применению Священных Писаний.

II. ПРИРОДА НОВОЗАВЕТНОГО УЧЕНИЯ

В отличие от дара пророчества, мы обнаруживаем, что ни о каком речевом акте человека, который называется “обучением” (*didaskalia*, *didachē*), или совершается “учителем” (*didaskalos*), или описывается глаголом “учить” (didaskō), в Новом Завете никогда не говорится, что это основано на “откровении”. Скорее, “учение” часто является просто объяснением или применением Священного Писания. В Деян.15:35 Павел, Варнава и “многие другие” находились в Антиохии, “уча и благовествуя слово Господне”. В Коринфе Павел пробыл полтора года, “поучая их слову Божьему” (18:11). И читатели послания к Евреям, хотя они и должны были быть учителями, скорее нуждались в том, чтобы кто-то снова научил их основным принципам слова Божьего (Евр.5:12). Павел говорит римлянам, что слова Ветхого Завета “написаны нам в наставление (или ”научение“,*didaskalia*)” (Рим.15:4), и пишет Тимофею, что “все Писание" "полезно для научения (*didaskalia*)” (2Тим.3:16).

Конечно, если «учение» в ранней Церкви так часто основывалось на Писании, неудивительно, что оно могло также основываться на чем-то равноценном Писанию по авторитету — а именно, на принятом своде апостольских наставлений. Так, Тимофей должен был взять учение, полученное от Павла, и передать его верным людям, которые могли бы «учить и других» (2:2). А фессалоникийцы должны были «твердо держаться предания», которому их «научил» Павел (2Фес.2:15 Такое “учение” отнюдь не было основано на спонтанном откровении, пришедшем во время богослужения в церкви (как это было с пророчеством), оно было повторением и объяснением подлинного апостольского учения. Учить вопреки наставлениям Павла означало учить иному или еретическому учению (heterodidaskalō) и не внимать «здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии» (1Тим.6:3). Фактически Павел сказал, что Тимофей должен был напоминать коринфянам о путях Павла, «как я учу везде во всякой церкви» (1Кор.4:17). Подобно этому, Тимофей должен был «повелевать и учить» (1Тим.4:11) и «учить и увещевать» (6:2) в соответствии с наставлениями Павла ефесской церкви.

Разница с пророчеством здесь совершенно очевидна: Тимофей не должен был пророчествовать о наставлениях Павла; он должен был учить им. Павел не пророчествовал о своих путях в каждой церкви; он учил их. Фессалоникийцам было сказано твердо держаться не тех традиций, которые были им “предсказаны”, а тех, которым их “научили”.

Таким образом, не пророчество, а учение в первостепенном смысле (от апостолов) впервые заложило доктринальные и этические нормы, которыми руководствовалась Церковь. И поскольку те, кто учился у апостолов, также учили, их учение направляло и руководило местными церквями. Среди старейшин были «трудящиеся (κοπιάω) в слове и учении» (1Тим.5:17), и старейшина должен был быть «способным учителем» (3:2; ср. Тит.1:9). Но ничего не говорится о старейшинах, чья работа заключалась в пророчестве, и никогда не говорится, что старейшина должен быть «способным пророком» или что старейшины должны «твердо держаться здравых пророчеств». В своей руководящей функции Тимофей должен был внимать себе и своему «учению» (1Тим.4:16), но ему никогда не говорится, чтобы он внимал своему пророчеству. Иаков предупреждал, что те, кто учит, а не те, кто пророчествует, будут судимы с большей строгостью (Иак.3:1).

[8] Тот факт, что люди «учатся» из пророчеств (1Кор.14:31), не делает их равноценными библейскому учению, ибо люди могут учиться на многом: на чьей-то молитве, на чьем-то добром поведении, на чьей-то ободряющей улыбке. Эти действия можно назвать учением в широком смысле, но они не являются учением в том смысле, в котором Павел использует это слово в Новом Завете, имея в виду объяснение и применение библейских отрывков к Церкви.

[9] Позицию Эллиса см. в *Prophecy and Hermeneutic in Early Christianity: New Testament Essays* (Grand Rapids: Eerdmans, 1978). Два убедительных ответа на работу Эллиса можно найти в книге Хилла *Prophecy* (стр. 103–106) и в книге Д. Э. Оне *Prophecy in Early Christianity and the Ancient Mediterranean World* (Grand Rapids: Eerdmans, 1983) (стр. 339–346). Что касается «харизматической экзегезы» Писания, Оне справедливо заключает: «Практически нет никаких свидетельств… того, что эта деятельность осуществлялась теми, кого в раннем христианстве называли «пророками»» (стр. 345).

Таким образом, обучение в контексте Нового Завета заключалось в повторении и объяснении слов Писания (или столь же авторитетных учений Иисуса и апостолов) и применении их к слушателям. В посланиях Нового Завета «обучение» очень похоже на то, что сегодня обозначается нашим выражением «библейское учение».

III. ПРОРОЧЕСТВО — ДА, НО УЧЕНИЕ — НЕТ

Как только мы поймем понятия «пророчество» и «учение» не в соответствии с определениями современного языка, а в соответствии с тем, как они описываются в самом Новом Завете, мы увидим, насколько логично было для Павла разрешить женщинам пророчествовать (1Кор.11:5), но не учить (1Тим.2:12) на публичных собраниях новозаветных церквей. Учение обеспечивало нормативное доктринальное и этическое руководство для Церкви. Те, кто публично учил в церквях, говорили не с авторитетом, равным самому Писанию, а с авторитетом, который на практике предоставлял доктринальные и этические резюме библейских учений и практическое применение Писания, которым руководствовалась Церковь. Писание было высшим авторитетом, но именно учителя — в большей степени, чем пророки, евангелисты или люди с любым другим даром — регулярно несли ответственность за то, чтобы показать, как следует толковать и применять Писание (абсолютный авторитет Церкви) в каждой местной общине. Преподавать в Церкви означало, по меньшей мере, осуществлять фактическое руководство и авторитет (а зачастую и публично признанное и подтвержденное руководство и авторитет), которые оказывали сильное влияние на доктринальные и этические убеждения Церкви.

Были ли многие или большинство учителей также старейшинами, или все учителя были также старейшинами, я сейчас не могу сказать с какой-либо определенностью. Но очевидно, что существует очень тесная связь между ролью старейшины и ролью учителя, связь, которая была обусловлена руководством учителя, фактически осуществляемого в общине[10].

Но пророчества Церкви Нового Завета не имели такого авторитета. Те, кто пророчествовал, не указывали Церкви, как толковать Священное Писание и применять его в жизни. Они не провозглашали доктринальные и этические нормы, которыми руководствовалась Церковь, и не осуществляли руководящую власть в Церкви. В Новом Завете нет убедительных свидетельств того, что ранняя Церковь управлялась “харизматическим руководством” в течение периода, предшествовавшего (предположительно) появлению в церквях официально признанных старейшин. Павел “ рукоположил … пресвитеров к каждой церкви” во время своего первого миссионерского путешествия, если верить Деяниям 14:23, а не домыслам Эрнста Кесемана[11].

Пророки в церквях Нового Завета, скорее, передавали своими словами то, что, как им казалось, Бог силой внушил им. Таким образом, учение, основанное на написанном Слове Божьем, имело гораздо больший авторитет, чем случайные пророчества, которые говорящий считал исходящими от Бога. Пророчества были подчинены авторитетному учению Писания и, чтобы быть принятыми, должны были соответствовать усвоенному учению Церкви. Но обратное было неверно: учения не должны были соответствовать какому-либо собранию или краткому изложению пророчеств, произнесенных в Церкви[12].

Что бы мы ни думали о надлежащей роли женщин в церквях сегодня, в наставлениях Павла все равно можно увидеть последовательность, а не противоречие. 1-е Послание к Тимофею 2 указывает на то, что Павел стремится сохранить мужское лидерство, главенство и руководящую власть в Церкви. Поэтому Он запрещает женщинам учить или иметь власть над мужчинами. Но молитва и пророчество в церкви не предполагают, что говорящий — мужчина или женщина — берет на себя функции лидера или руководящей власти. Поэтому нет причин препятствовать им в этой деятельности. Скорее, их следует поощрять.

На самом деле, если понимание дара пророчества, которое я здесь предлагаю, правильное, это во многом поможет преодолеть проблему “зрительского христианства” в современном евангельском обществе. Это объясняется тем, что всем христианам дано разрешение пророчествовать в церкви, если Бог побуждает их к этому (ср. 1Кор.14:31), и поэтому мы должны ожидать, что, если бы была предоставлена возможность для такого пророчества, в наших богослужениях приняли бы гораздо более широкое участие женщины — и мужчины — “чтобы всем поучаться и всем получать утешение” (14:31).

[10] В Кол.3:16 говорится о том, чтобы «учить (*didaskontes*) и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу». Конечно, это не означает, что от каждого христианина ожидается, что он будет стоять перед собравшейся общиной и выступать в роли учителя Библии; было много мужчин, а также женщин, которые не обладали даром преподавания и не хотели этого делать. В этом стихе слово «учить» используется, скорее, в более широком, общем смысле, в котором оно используется в 1Тим.2:12 и многих других упомянутых выше отрывках, где оно относится к библейскому и/или доктринальному наставлению, данному собравшейся церкви.

[11] В поддержку функции «харизматического лидерства» ранних христианских пророков см. H. von Campenhausen, *Ecclesiastical Authority and Spiritual Power in the Church of the First Three Centuries* (London: Black, 1969) и E. Käsemann, “Sentences of Holy Law in the New Testament,” в *New Testament Questions of Today* (London: SCM, 1964) 66–81. Подробный ответ можно найти в Grudem, *Gift* 207–210.

[12] Кто-то может возразить, что список в 1Кор.12:28, «во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями», указывает на то, что пророки имели больший авторитет, чем учителя в Церкви (ср. также Еф.4:11). Однако список в 1Кор.12:28 не является упорядочением по авторитету. Обратите внимание, что далее в списке «управляющие» стоят предпоследними, а «помощники» — перед «управляющими». Скорее, Павел продолжает объяснять значение слов «во-первых... во-вторых... в-третьих... затем...» в следующих стихах, а в конце списка, он призывает коринфян ревновать о «дарах больших» (12:31). И, объяснив решающее значение любви в гл.13, он возвращается к идее «более великих» даров в 14:1-5, показывая, что пророчество “более великое” (*meizōn*, то же слово, что и в 12:31), чем неинтерпретированные языки (14:5), потому что в пророчестве Церковь “назидается”. Следовательно, ”больший“ в данном контексте означает ”вносящий больший вклад в назидание Церкви", и список в 12:28 следует понимать (по крайней мере, применительно к первым четырем упомянутым категориям людей) как перечень в соответствии с их значением в назидании Церкви. Это понимание согласуется с общей заботой Павла, выраженной в главах 12-14. “Все сие да будет к назиданию”(14:26).

IV. А КАК НАСЧЕТ 1 КОРИНФЯНАМ 14:33-35?

Этот отрывок долгое время казался непонятным комментаторам, но пристальное внимание к структуре более широкого контекста дает некоторые обнадеживающие результаты. Однако, прежде чем предлагать какое-либо решение, я рассмотрю две точки зрения, которые кажутся неубедительными.

1. *Запрещает ли этот отрывок высказываться шумным женщинам?* Некоторые объясняют этот отрывок тем, что шумные или необузданные женщины нарушали богослужение в Коринфе, возможно, грубо выкрикивая вопросы своим мужьям, сидящим в другом конце комнаты, или издавая громкие крики, характерные для почти экстатического богослужения. Сторонники такого толкования говорят, что Павел хотел прекратить это бесчинство и навести порядок на богослужении.

Однако, прежде всего, мы должны помнить, что ни в ст.33б–35, ни в остальной части послания, ни в каких-либо других текстах Библии или за ее пределами просто нет свидетельств того, что беспорядки среди женщин были проблемой именно в коринфской церкви. Некоторые люди предполагают, что в церкви были шумные женщины, но не найдено никаких доказательств, подтверждающих это предположение[13]. Конечно, можно найти свидетельства буйного поведения женщин во время языческих религиозных обрядов того времени. Но есть также свидетельства такого поведения мужчин. Следовательно, неправомерно односторонне использовать такие доказательства, чтобы утверждать, что шумные женщины были особой проблемой в Коринфе.

Это толкование также не объясняет стих 33б, который делает правило Павла о молчании применимым ко всем церквям во времена Павла, а не только к церкви в Коринфе. Апостол говорит: “Так *бывает* во всех церквах у святых”[14].

Это очень важно. Это означает, что любое объяснение этого отрывка, ограничивающее его применение конкретной ситуацией в Коринфе, неубедительно. Но именно в это нас и пытается заставить поверить интерпретация «шумных коринфских женщин»: что шумные женщины в Коринфе побудили Павла дать указания. Напротив, Павел прямо говорит коринфянам, что во всех христианских общинах первого века (как еврейского, так и языческого происхождения) женщины соблюдали именно то молчание, которое здесь предписано. Он наставляет коринфян следовать практике, которая была повсеместной в ранней Церкви.

Эта точка зрения о «шумных женщинах» неубедительна по другой причине: она противоречит решению Павла. Там, где возникают проблемы беспорядка, апостол просто предписывает порядок (как в случае с говорением на языках или пророчеством в стихах 27, 29, 31 и как в случае с Вечерей Господней в 11:33–34). Если бы проблема в Коринфе заключалась в шуме, он бы прямо запретил беспорядочную речь, а не любую речь.

Кроме того, эта точка зрения заставила бы нас считать решение Павла несправедливым, поскольку он наказывал бы всех женщин за поступки некоторых. Он не говорит: «Непослушные женщины должны молчать». Для Павла, как и для любого другого автора Нового Завета, устанавливать подобные несправедливые правила нехарактерно.

2. *Запрещает ли этот отрывок женщинам говорить на языках?* Другая позиция, получившая в последние годы поддержку, заключается в том, что 14:33б–35 запрещает женщинам говорить на языках во время церковной службы. Главный аргумент в пользу этой позиции — утверждение, что основной темой глав 12–14 (или, по крайней мере, главы 14) является говорение на языках.

Однако Павел закончил обсуждение языков в стихе 28 и перешел к теме пророчества. Он обсуждает пророчество на протяжении последних четырех или пяти стихов. Ни один читатель в Коринфе не подумал бы, что Павел вернулся к теме языков, если бы он не ввел эту тему заново в стихе 33б.

Более того, пророчество в этих главах является для Павла таким же важным вопросом, как и говорение на языках. В главах 12–14 Павел упоминает пророчество в 18 стихах и говорение на языках в 18. В главе 14 только в стихах, посвященных пророчеству, насчитывается 14 мест, из которых 12 посвящены пророчеству, а 13 — говорению на языках. Более того, непосредственный контекст стихов о молчании женщин (ст. 29–33а) не относится к говорению на языках, но содержит обсуждение пророчества.

3. *Запрещает ли этот отрывок женщинам оценивать пророчества во время церковной службы?* Существует и другая интерпретация, которая обходит эти возражения, рассматривая этот отрывок не как относящийся к первой половине стиха 29 («пророки пусть говорят двое или трое»), а как относящийся ко второй половине («а прочие пусть рассуждают»). Тогда Павел сказал бы: «Пусть другие (то есть остальная часть собрания, *hoi alloi*, а не просто *hoi loipoi*, «остальные», как сказал бы Павел, если бы имел в виду остальных пророков) взвесят сказанное (пророками)… [но]

13 Не следует утверждать, что *laleō*, “говорить”, в 1Кор.14:34 означает “женщинам не разрешается беспорядочно болтать”, поскольку *laleō* - это просто очень распространенное слово (60 раз у Павла, 298 раз в Новом Завете), означающее “говорить”. Павел часто использует это слово для обозначения обычной, понятной речи: “мудрость же мы проповедуем между совершенными” (1 Кор.2:6); “кто пророчествует, тот говорит людям в назидание” (14:3); “ пророки пусть говорят двое или трое” (14:29); “к стыду вашему говорю” (15:34) и т.д. Конечно, Павел использует это слово применительно к “говорению на языках” в 1Кор.14 — это было самое обычное слово, доступное ему для обозначения любого акта “говорения”, - но это не означает, что само слово *laleō* означало "говорить на языках" в большей степени, чем другое греческое слово. Такой аргумент является чрезмерным обобщением одного конкретного употребления без учета диапазона значений, которые это слово принимает в других контекстах.

14 Грамматически возможно, что фраза «так во всех церквах у святых» относится к предыдущему предложению: «ибо Бог есть не *Бог* неустройства, но мира» (так в переводе *KJV*, следуя Textus Receptus и *NASB*). Однако такое прочтение не соответствует смыслу отрывка. После того, как сказано о характере Бога, который всегда один и тот же, было бы бессмысленно добавлять Павлу «так во всех церквях у святых», как если бы коринфяне представляли себе, что Бог будет Богом мира в одних церквях, но не в других. Но если фраза «как во всех церквях святых» относится к последующим указаниям о поведении во время богослужения, то это имеет большой смысл. Коринфяне не должны отклоняться от стандартов богослужения, которым следуют все церкви повсюду. Таково прочтение в переводах *NIV*, *RSV*, *ASV*, *NEB* и *UBSGNT*. (Разделение стихов, разумеется, является результатом работы более поздних редакторов и не входило в текст Павла.) Павел начинает предложение с аналогичного придаточного предложения с hōs в Еф.5:24 и Фил.2:22.

женщины должны молчать в церквях»[15]. Другими словами, женщины не могли высказывать устную критику пророчеств, сделанных во время церковной службы. Это правило не мешало бы им молча оценивать пророчества в своем уме (на самом деле, стих 29 подразумевает, что они должны это делать), но это означало бы, что они не должны были бы высказывать свое мнение в собрании.

С точки зрения структуры это, по сути, наиболее привлекательное из доступных решений. Это означает, что Павел следовал очень логичной процедуре. Сначала он дал общее утверждение: «пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают» (ст. 29).

Затем в стихах 30–33а он дал дополнительные указания относительно первой половины стиха 29, а затем в стихах 33б–35 — дополнительные указания относительно второй половины стиха.

Структура этого отрывка на первый взгляд неясна, поскольку комментарии к стихам 30–33а значительно удлинились по мере написания Павлом текста. Но комментарии к стиху 29а представляют собой единое целое, ни одна часть которого не может быть удалена. Таким образом, у Павла не было более ранней возможности ввести этот раздел о женщинах. Если эта интерпретация верна, то фраза «жены да молчат» означала для Павла и его читателей: «Пусть они молчат, когда вы оцениваете пророчество».

В дополнение к тому, что эта интерпретация придает отрывку упорядоченную и разумную структуру, два других факта из текста подтверждают эту точку зрения.

Во-первых, это толкование согласуется с резким контрастом в стихе 34: «ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении». Союз «а» (*alla*) указывает на резкий контраст между говорением и подчинением. Таким образом, Павел имеет в виду именно говорение, предполагающее неповиновение. Не каждый вид речи подпадает под это описание, но оценка пророчеств вслух, безусловно, подходит. Это подразумевало бы присвоение себе высшей власти в вопросах доктринального или этического наставления, особенно когда речь идет о критике пророчества.

Если это правильное значение стиха 34, то ст. 35 понятен. Предположим, что некоторые женщины в Коринфе хотели обойти силу указания Павла. Самый простой способ сделать это - сказать: “Мы поступим так, как говорит Павел. Мы не будем высказываться, и критиковать пророчества. Но, конечно, никто не будет возражать, если мы зададим несколько вопросов. Мы просто хотим узнать больше о том, что говорят эти пророки”. Тогда такие вопросы можно было бы использовать как платформу для выражения в не слишком завуалированной форме той самой критики, которую Павел запрещает. Павел предвидит это возможное уклонение и пишет: “Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить [то есть подвергать сомнению пророчества] в церкви”[16].

Во-вторых, это толкование согласуется с обращением Павла к Ветхому Завету. В стихе 34 Павел добавляет: «как и закон говорит». Вероятным источником (поскольку это не прямая цитата из какого-либо отрывка Ветхого Завета) является Быт.2, где Адам является «первенцем» (с соответствующим главенством в семье, которое подразумевал этот статус), где он также имеет от Бога власть дать имя Еве, и где Ева становится помощницей, подходящей для Адама[17]. В других местах Павел обращается к Ветхому Завету, чтобы обосновать идею мужского главенства и женского подчинения мужскому руководству (см. 1Кор.11:8–9; 1Тим.2:13), и поэтому вполне возможно рассматривать его как обращение к Ветхому Завету для обоснования различия в авторитете при оценке пророчеств. Но было бы трудно вывести из Ветхого Завета какой-либо запрет на шумных женщин в церкви или на женщин, говорящих на языках.

Но, несмотря на существенные аргументы в пользу такой интерпретации, можно выдвинуть еще одно возражение. Почему Павел не выразился яснее и не сказал: «Женщины да молчат во время суждения о пророчествах», если именно это он имел в виду?

Ответ заключается в том, что авторы Нового Завета часто говорят о молчании в общих, ничем не ограниченных терминах, ожидая, что читатели поймут из контекста, о каком именно виде молчания идёт речь. Хороший пример — 1 Кор.14:28, всего несколько стихов выше. Павел говорит о говорящем христианине на языках: «Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу». Это не означает, что говорящий на языках должен был хранить полное молчание на протяжении всего богослужения. Он, несомненно, мог участвовать в пении, в молитве, в чтении Писания и в обсуждении вопросов, требующих молитвы и благодарения. Повеление молчать означало молчание только в отношении конкретного вида речи, о котором идёт речь, — а именно, говорения на языках.

Итак, в 14:33б–35, как только мы видим, что обсуждаемый вопрос касается пророчеств и, более конкретно, оценки пророчеств в церкви, естественно понимать, что выражение “жены да молчат ” означает “женщины должны хранить молчание во время оценки пророчеств”.

Но этот отрывок, таким образом, не просто говорит нам о том, как оценивать пророчества. Здесь Павел подтверждает неизменное различие между ролями, подобающими мужчинам, и ролями, подобающими женщинам в христианской церкви. Как и в 1Тим.2:11-15, это различие проявляется в запрете женщинам осуществлять доктринальное и этическое руководство общиной, даже время от времени. Следовательно, 1Кор.14:33-35 хорошо согласуется с последовательной позицией Павла в пользу участия женщин в жизни церкви без руководящей власти.

[15] Этот раздел следует J. Hurley, *Man and Woman in Biblical Perspective* (Grand Rapids: Eerdmans, 1981) 188–194.

[16] Конечно, некоторые женщины были незамужними и не имели «мужа», у которого можно было бы попросить. Но в их семейном кругу или в церковном сообществе были другие мужчины, с которыми они могли обсуждать содержание пророчеств. Общее указание Павла ясно, хотя он и не делал педантичных уточнений для рассмотрения каждого конкретного случая.

[17] Некоторые также предположили, что в этом стихе Павел цитирует раввинский закон первого века или римский закон. Но это предположение неубедительно, потому что Павел использует слово “закон” (nomos) 119 раз, и ни разу оно недвусмысленно не относится к закону раввинов или римскому праву. Когда Павел использует “закон” в качестве аргумента, он обычно ссылается на Ветхий Завет (ср., например, 1Кор.14:21, несколькими стихами раньше нашего текста).

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Павел подтверждает непреходящее различие между ролями, подобающими женщинам, и ролями, подобающими мужчинам, на собраниях церкви. Важно понимать, что отрывки из 1 Тимофею 2 и 1 Коринфянам 14 не являются изолированными текстами, плохо сочетающимися с остальным Новым Заветом. Скорее, они соответствуют образцу учения всего Нового Завета — образцу, который, хотя и утверждает для женщин более высокий статус, чем тот, который им был предоставлен в большей части культуры первого века. И хотя это, безусловно, утверждает для женщин полное равенство с мужчинами в ценности, личности и отражении образа Божьего, тем не менее, неоднократно и на протяжении всего текста настаивает на различных ролях мужчин и женщин в браке и в Церкви, — учение Нового Завета, которое и сегодня требует мужского главенства, как в браке, так и в Церкви.